

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ III

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1928

Критика и библиография.

46. Тауфик Кезма. Элементарные основы грамматики арабского языка в популярном изложении. *المبادئ الأساسية في صرف اللغة العربيّة*. Из лекций, читанных членам Киевского Отделения Всеукраинской Ассоциации Востоковедения (Українська Академія Наук. Збірник Історично-Філологічного Відділу № 70. Кабінет Арабо-Іранської Філології під головуванням академіка А. Е. Кримського). Киев, 1928 г. Литографировано в 130 экз.; формат школьной тетради; стр. IV+ 576 + II.

Содержание книги разделено на 54 неозаглавленных параграфов, нумерованных римскими цифрами, тогда как оглавление показывает 82 озаглавленных параграфов, нумерованных арабскими цифрами. Распределение материала таково: арабский алфавит (III—IV), предисловие (1—2), письмо и чтение (3—82), имя (82—298 и 502—541), глагол (299—501), частицы (542—554), заключение (555—557), источники и пособия (558—560), опечатки (561—570), оглавление (571—576). Разрыв отдела об имени на две части объясняется тем, что автор пропустил важные сведения по образованию имен и был вынужден наверстать пропущенное, уже миновав учение о глаголе. Хотя книга посвящена преимущественно учению о формах (что особенно явствует из арабского заглавия, где сказано *صرف*, т.-е. морфология), автор дает немало сведений и по учению о связи речи (*حو*, синтаксис). Так, обстоятельно представлено согласование прилагательного с существительным (204—228); не упущено влияние частиц на наклонение (475—481); как и обычно, говорится о конструкции при числительных (524—541).

Изложение пространно и даже грешит многословием, напоминая «Опыт грамматики арабского языка» М. Навроцкого (СПб. 1867), хотя этим пособием автор не пользуется. Приведем для примера выдержку со

стр. 132: «Таким образом, хотя и случайно, но всё же вплотную, так сказать, подошли мы к неправильному множественному числу — оно и кстати; к рассмотрению и изучению, хотя и краткому, образования неправильного множественного числа мы сейчас и перейдем». Если сравнить эту необычайную словоохотливость с американизованной лаконичностью современных европейских пособий, особенно германских, то сравнение будет не в пользу автора. Однако, если принять во внимание слабую подготовленность современного нашего студенчества, то получится иной вывод: подобное «разжевывание» материала делает книгу хорошим самоучителем. Заслуживает внимания метод приведения примеров. Автор не ограничивается отдельными словами и предложениями, вырванными из связной речи, но предпочитает давать цельные фразы, подчас пословицы, и не только подробно переводит фразу и каждое слово, но часто приводит различные реальные данные — о вещах и людях Востока; напр.: خليفة (стр. 98), دلال المنايا (стр. 150), خاتم (стр. 151), مجمع (стр. 154), جبار (стр. 157), писатели (284—285).

Пользуясь преимущественно туземной арабской грамматической терминологией, приводимой и в оглавлении, автор стремится перевести ее на русский язык как можно точнее, но впадает в буквальность там, где старые русские арабисты уже установили удачные технические переводы; напр., у автора فعل معتل «больной глагол», حروف العلة «буквы болезни» (стр. 363, 369, 416 и др.), тогда как у М. Навроцкого и В. Гиргаса глаже: «слабый». Говоря о звуке, автор пользуется преимущественно терминами «буква» и «знак». Это — типичная черта старой школы (Buchstabengelehrten) и, пока эта черта присуща многим европейским ученым, нет ни малейшего основания упрекать в ней автора-араба. Впрочем, как исследователь семитских языков я должен заметить, что до сих пор нет термина, совмещающего понятие «согласный» с понятием «долгий гласный». Случай, как قال, нельзя назвать «трехсогласными», ибо ā не согласный; а если всё же условиться называть так, имея в виду, что ā здесь результат превращения (اعلال, تغلب), т.-е. kāla из *kavala, то нельзя назвать «четырёхсогласными» типы kātīl и qātīl, где долгота символического происхождения. И приходится говорить: «трехбуквенный, четырехбуквенный». Что касается терминов арабской графики, которые, конечно, вовсе не подлежат переводу на иностранные языки (подобно нашим «ер, еры́, ерь, ять»), автор употребляет их среди русской речи без склонения, говоря во всех падежах одинаково: «алеф, сукūн . . . фатḥ, касра, дамма . . .». Если француз может сказать «de fatha» и немец, на худой конец, «von Fatha», то русский при-

нужден склонять меной окончаний, иначе смысл будет не всегда ясен. Любопытно, что автор избегает термина *тенойн*, который дает лишь в оглавлении, а в самой книге употребляет только «фат атан, касратан, дамнатан».

В орфографии арабского языка автор, в отличие от обычных европейских пособий, проводит строгое различие между написаниями ي и ى , употребляя первое для звуков *й* и *й̄*, а второе лишь для окончания *'эмфи мажсура*; всюду употребляет написания ي̄ , و̄ для *й̄*, *ӯ* — согласно учению древне-арабских филологов, рассматривавших долгие гласные как гомоганные дифтонги (двогласные того же органа: *а̄й*, *ӣй*, *ӯй*). Желая транскрибировать арабские слова русскими буквами, автор вкрапляет в русское написание арабские ء , ث , ح , ذ , ع , غ , ق , ه , напр., ذئب «волк» = *зй̄ббн*. Такой способ обогащения европейского письма изредка применялся и к латинскому алфавиту; напр., «Et-Telet Ta'elim el qari» (ср. Taghrif fuq il-kitba maltija, Malta, 1924; O. J. Tállgren, Los nombres árabes de las estrellas y la transcripción alfonsina, Madrid, 1925). Автор советует своим читателям придерживаться такой же транскрипции, но едва ли это технически возможно (во многих ли русских типографиях есть арабский шрифт?) и едва ли это удобно для непосвященных читателей (даже столь распространенные «č, ĝ, š, ž» научной транскрипции неведомы большинству образованных европейцев). Различая краткие и долгие гласные значками ـ и ـ̄ , причем آ даже ā , автор замечает уже в толще книги (стр. 141), что знак «й» у него двусмыслен, ибо передает и гласный *и* и согласный *й̄*, а поэтому вводит для последнего новый знак «й̄» и пишет: «Отныне, звук русской буквы и краткое (й̄) при транскрипции мы будем изображать так й̄».

Объяснение произношения трудных согласных (стр. 4—5) не удается автору: ح «широко открывши рот, глубоко из гортани выдыхать воздух»; ع «одновременно с широко раскрываемым ртом выдавить так сказать из основания горла звонкое дыхание»; غ «букву х произносить более глубоким гортанным выдыханием»; ق «произносится из глубины гортани широко раскрытым ртом». Выполняя указанное, получим для ح , ع и ق чистое *а*, для غ же пожалуй *h*. Если бы автор обратил внимание на фонетическое учение своих отдаленных коллег — древне-арабских филологов, он избежал бы многих недоразумений. В некоторых случаях можно заметить влияние родного сирийско-арабского произношения автора: ح объясняется (стр. 3) и передается по всей книге только как «ж» без указания на другие существующие произношения. Объяснение оттенков «е, о» у гласных ـ , ـ̄ , коему посвящено пространное отступление на стр. 259—266, тоже напоминает

известные особенности, внесенные в сирийско-арабское наречие арамейской подпочвой (ср. сирийско-арамейское ܩܘܢܐ *некто* из **никто*).

В области форм лишь изредка встречаются некоторые странности. Так, на стр. 65 — أَمْرُو (ʾumrūʾon) муж, вместо أَمْرُو . На стр. 117 — множественное число от собственных имен на ى — показано с وَنَ —, напр., عَيْسَوْنَ (эйсаўнā), вместо وَنَ (из *-айўна*, подобно يَرُونَ из **йарайўна*). На стр. 130 — в качестве единственного и исключительного случая, когда иностранное слово образует множественное ломанное, приводится قنصل : قناصل «консул»; но таких случаев немало, напр. еще بنوك : بنك «банк», جرانيل : جرنال «журнал», قناديل : قنديل «лампа» (собственно лат. *candēla*). На стр. 186—187 даются фразы:

Это справедливый судья	$\text{هَذَا قَاضِي عَادِلٌ}$ (1)
Я пошел с (одним) справедливым судьёй }	$\text{ذَهَبْتُ مَعَ قَاضِي عَادِلٍ}$ (2)

В обоих случаях нужно неопределенное состояние قَاضٍ из **к̣āдийун* (имен. п.) и *к̣āдийин* (род. п.), иначе первая фраза лишена смысла, а вторая должна иметь другой смысл, ибо قَاضِي — сопряженное состояние: «я пошел с судьей некоего справедливца». Здесь автор подпал под влияние разговорного языка, освобожденного от пут нūнации и располагающего лишь формой قَاضِي . Впрочем, на стр. 109 автор правильно показывает неопределенное состояние قَاضٍ и وَادٍ .

В заключение следует признать, что «Основы» вполне пригодны в качестве учебного пособия для изучения литературного арабского языка, а в силу обстоятельного и подробного изложения могут служить и самоучителем. Незначительный тираж сделает книгу библиографической редкостью уже в ближайшее время и, если почтенный автор найдет, как в себе, так и около себя, необходимые силы и средства для второго издания или для совсем нового труда этого же рода, то да будут приняты во внимание предпосланные наблюдения и соображения, а равно и вскоре выходящая в свет моя «Грамматика литературного арабского языка» (под редакцией и с предисловием акад. И. Ю. Крачковского).

Н. Юшманов.